
МАТЕРИК БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

А.С. Нилогов

СПЛЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СУЩЕСТВУЮ

Аннотация. Объектом исследования является проблема прояснения онтологического статуса состояния сна-сновидения. Предметом исследования является изучение сновидческого опыта с точки зрения антиязыковой методологии на примере нескольких классов антислов. В статье подробно рассматриваются такие аспекты, как речевой лунатизм, словообразование во время сновидения, гипнотическое словотворчество, воязыквление бессознательного, сновидческий язык, толкование сновидений, аутентичное и неаутентичное существование. Особое внимание уделяется изучению онтологического статуса языковых и антиязыковых единиц, репрезентирующих, помимо языка мысли, неосознаваемые каналы получения информации.

Использованы следующие методы исследования: проблемный, аналогия, герменевтический, лингвистический (словообразовательный), антиязыковой (выявление классов антислов), синтез, анализ.

Новизна исследования заключается в том, что проблема онтологического статуса человеческого существования, поднятая ещё Рене Декартом, получила новое развитие. Были предложены следующие кардинальные решения: аргумент «Фантазирую, следовательно, не существую», опровергающий когитальную философию, и аргумент «Сплю, следовательно, существую», углубляющий картезианскую философию с точки зрения антиязыковой методологии.

Ключевые слова: Декарт, онтологический статус, антиязык, антислово, сновидение, бессознательное, Бескова, толкование сновидений, Оруэлл, злокозненный демон.

Review. The research object of the present article is the problem of the ontological status of sleep and dreaming. The research subject is the dreaming experience from the point of view of the antilanguage methodology based on the example of several classes of anti-words. In his article Nilogov focuses on such aspects as the sleepwalking speech, word formation during sleep, hypnotic word creation, speech of the unconscious, sleep language, dream interpretation, authentic and inauthentic existence. Special attention is paid to the ontological status of language and antilanguage units that represent not only the speech intentions but also unconscious channels of information acquisition. In his research Nilogov has used the following research methods: problem method, analogy, hermeneutic, language analysis (word formation), antilanguage analysis (determination of classes of anti-words), synthesis and analysis. The novelty of the article is caused by the fact that the problem of the ontological status of human existence raised by Rene Descartes has gained new impetus. The author has offered the following comprehensive solution: he offers the argument 'I fantasize therefore I am not' that disproves the cogital philosophy and the argument 'I sleep therefore I am' that deepens the cartesian philosophy from the point of view of the antilanguage methodology.

Keywords: interpretation of dreams, Descartes, ontological status, antilanguage, antiword, dream, unconscious, Beskova, Orwell, evil demon.

Чем лучше сон, тем больше хочется
в нём проснуться.

(Л.С. Сухоруков [1])

Сновидческий язык как антиязык

О языке сновидения можно сказать много семиотического, но ускользающего от ноуменального горизонта *естественного сновидческого языка*. Какой бы всеядной ни была семиотическая методология, к языку сновидения аргументированней

применить антиязыковой дискурс [13], чтобы показать, насколько речь в сновидении отличается от бодрствующей речи.

Когда мы видим сновидение, то нередко сталкиваемся с **речевым лунатизмом**, при котором наша внутренняя речь раскрепощается от монолической формы навстречу диалогу с самой собой; мы говорим во сне словно медиумы, пропуская собственный лунатизм, чей бодрствующий эквивалент называется аутизмом. Кто именно говорит во сне нашими речевыми органами? Как слышим

мы себя при говорении во сне? Можно ли обойтись без выбалтывания себя во сне со сновидением или без такового во сне со сновидением?

Наверняка всем приходилось быть свидетелями того, как внутренняя речь того или иного человека неосознанно выбалтывается вовне в качестве нерасчленённого фрейдистского потока оговорок. Как правило, мы шарахаемся в сторону от таких «ментальных болтунов», часто не отдавая себе отчёт в том, что исходим из узусной коммуникативной нищеты, состоящей в умалчивании своего мышления во внутренней речи. Конечно, большинство «ментальных болтунов» не осознают преимуществ дарящей коммуникации, в которой, вопреки отечественному философу Ф.И. Гиренку [6, с. 30, 32–33], люди обмениваются не пустыми знаками, чтобы скрыть внутреннюю пустоту, а раздаривают себя другим, в том числе и самим себе.

Выбалтывание себя во сне носит совершенно иной характер. Являясь непосредственными участниками наших сновидений, мы меньше всего способны отразить свой языковой сновидческий опыт. Существует точка зрения, что во сне происходит очищение сознания от словесных напластований, накопленных в течение дня. Чтобы избавиться от речевого мусора, мозг ограничивает роль языкового сознания во сне, перенасыщая его картинностью и образностью. Может статься, что речь во время сновидений – это всего лишь неотцензурированные остатки дневного опыта, точно субтитры, всплывающие на экране, на котором показывают немое чёрно-белое и цветное кино. Заметьте, как удачно сравнение сновидца с тем, кто озвучивает фильмы. Впрочем, оставим пока кинематографические метафоры и обратимся к антиязыковой интриге сновидений.

Для начала приведём обширную цитату из статьи английского писателя Д. Оруэлла «Новые слова» (1940), в которой вводится такое понятие, как «сно-мысль» (dream-thought): «Всякий мыслящий человек наверняка замечал, что язык практически бесполезен для описания того, что происходит в сознании. Это настолько общеизвестно, что большие мастера литературы (такие, как Тrollop и Марк Твен) начинают свои автобиографии утверждением, что они не собираются описывать свою внутреннюю жизнь, поскольку она по своей природе неопишима. Как только мы имеем дело с чем-то неконкретным и невидимым, мы обнаруживаем, что слова походят на реальность не более чем шахмат-

ные фигурки – на живых людей (даже описать чью-то внешность и то нелегко). Чтобы не ходить далеко, возьмём очевидный пример: сновидение. Как его описать? Ясно, что описать его невозможно, потому что слов, передающих атмосферу сновидения, нет в нашем языке. В грубом приближении можно говорить о фактической стороне происшедшего в сновидении. Можно сказать: «мне снилось, что я шёл по Риджент стрит и рядом со мной – дикобраз в шляпе-котелке», но это не будет настоящим описанием сна. И даже если психолог станет интерпретировать ваш сон как ряд символов, ему придётся руководствоваться догадками, ибо характерная особенность сна, придающая дикобразу исключительное значение, – вне мира слов. По сути, процесс описания сна подобен подстрочному переводу поэмы. Это – пересказ, понятный только знакомому с оригиналом.

Я выбрал сны как наиболее очевидный пример, но если бы только сны не поддавались описанию, не о чем было бы беспокоиться. Однако, как неоднократно отмечалось, сознание бодрствующего не настолько отличается от сознания спящего, как это кажется (или как нам хочется, чтобы казалось). Правда, что большинство наших мыслей в состоянии бодрствования рациональны, то есть в нашем мозгу есть подобие шахматной доски, по которой движутся мысли в логическом и вербальном порядке; мы используем эту часть мозга при решении чисто интеллектуальных проблем, и мы привыкли думать (то есть думать в наши «шахматные моменты»), что в этом и заключается всё мышление. Но это, очевидно, не всё. Беспорядочный, невербальный мир снов никогда не исчезает полностью из нашего сознания и, если бы были возможны такие подсчёты, я бы сказал, что добрая половина мыслей в бодрствующем состоянии принадлежит этой категории. Определённо, сно-мысли (dream-thoughts) присутствуют даже тогда, когда мы пытаемся думать словами, они влияют на вербальные мысли; это они в основном и придают полноценность нашей внутренней жизни. Обратите внимание на своё сознание в какой-нибудь случайный момент времени. Основным в нём будет поток безымянных объектов, настолько неотчётливых, что трудно назвать их мыслями, образами или чувствами. Прежде всего, это будут видимые нами предметы и слышимые звуки, которые сами по себе могут быть описаны словами, но, попав в сознание, становятся чем-то совсем другим и совершенно не-

описуемым. И, кроме того, есть ещё грёзы (dream-life), непрестанно создаваемые сознанием для себя, и хотя большая часть этого незначительна и вскоре забывается, они содержат в себе красивое, смешное и т.д., за пределами тому, что когда-либо превращается в слово» [16].

В данном отрывке мы находим описание для одного из классов антислов – «**мусорологизмов**», под которыми мы понимаем слова, образуемые для нужд мысле- и словотворчества, не сохраняющиеся в языке, но находящие свой приют в антиязыке [15]; слова, которые возникают при воязыковлении какого-либо смысла или сопровождают другие речевые процессы. Количество «мусорологизмов» у любого носителя языка, составляющее антисловарный запас, может не уступать пассивному словарному запасу естественного языка. «Мусорологизмы» – это антислова, суммирующиеся в соответствующем классе антиязыка. Антиязык включает в себя несколько сотен классов, чьим источником пополнения могут оказаться сновидения.

Таким образом, под антиязыком мы понимаем совокупность классов антислов, которые представляют соответствующие области частично или полностью не поименованного бытия. Философия антиязыка в качестве нового раздела философии призвана выявлять собственно антиязыковые и несобственно антиязыковые дискурсивные практики. В первом случае понимается поиск таких классов (анти)слов, которые невыразимы в естественном языке. Во втором случае – критика существующих способов коммуникации и сигнификации.

Сейчас нас интересуют ответы на следующие вопросы: каков лингвистический статус «лунатических слов», остающихся без языкового освидетельствования? Не секрет, что мы не помним всех своих слов, высказанных во сне при *аффекционном* переживании сновидений. Возможна ли деривация в сновидении? Что происходит с внутренней речью во сне? Говорим ли мы про себя или полностью высказываем всё вслух? Не *пере-кликается* ли аутентичный сновидческий язык с телепатическим языком, не делающим различия между внутренней и внешней речью? Можно ли говорить во сне на антиязыке? Не является ли язык сновидений по преимуществу антиязыком? Наконец, можно ли составить **вещий сонник**, в котором бы содержались ответы на все сюжеты сновидений, включая сюжеты всех проспанных снов?..

Гипнотическое словообразование

Гипнотическое словообразование (антислова при гипнозе?): приведём отрывок из книги немецкого философа П. Слотердайка «Критика цинического разума», в котором речь может идти о словообразовании во время гипноза. Таким образом, нас будет интересовать онтологический (да и собственно лингвистический) статус таких слов, которые образуются пациентом в течение гипнотического сеанса, а после забываются, как будто их никогда и не было: «Маркиз де Пюйсежур (*Puysegur*), артиллерийский офицер из Страсбурга и ученик Месмера, владелец большого поместья в деревне Бюзансе близ Суассона (*Soisson*), наблюдал во время филантропического сеанса лечения, который проводил с одним из своих крестьян, неизвестное донныне проявление, которое казалось похожим на лунатизм и поэтому получило название «искусственный сомнамбулизм». Речь шла о состоянии глубокого транса, в котором у пациентов парадоксальным образом проявлялись специфическая способность к ясновидению и красноречию, которые значительно превосходили то, что данные персоны могли достичь в состоянии бодрствования. Кроме того, было сделано особенно важное открытие: находящиеся в состоянии гипноза персоны оказывались способными «врачевать самих себя», поскольку умели целенаправленно и ясно называть вызывающие болезнь факторы, тогда как в нормальном состоянии они ни при каких условиях не могли что-либо сказать о них. Они обнаруживали в себе «патогенные тайны», называли скрытые причины своих страданий, сами высказывали предложения по оказанию себе помощи и сверх того нередко проявляли великолепные черты характера, которые отсутствовали у «лежащей на поверхности личности». Этот метод имел один серьезнейший недостаток, из-за которого позднее Просвещение пыталось вытеснить из своей памяти данный исторический «эпизод», просуществовавший более ста лет: пациенты по окончании сеанса начисто забывали то, что они пережили. Из-за того что впоследствии получило название «постгипнотической амнезии», им приходилось отдавать себя во власть магнетизёра, который мог обернуть им на пользу их вылазки в область бессознательно-го. <...> По меньшей мере до середины XIX в. этот метод постоянно развивался и практиковался в

вызывавших доверие формам. Ещё Шопенгауэр высказывался в том смысле, что это открытие, возможно, является важнейшим во всей истории человеческой духовной жизни, пусть даже оно поначалу и задаёт разуму больше загадок, чем разрешает их» [18, с. 95–96, 97].

Если исходить из принципа «изначального опоздания», постулируемого французским философом Ж. Деррида [10, с. 328–329, 367], [9, с. 140], [7, с. 77], то для гипнотических языковых практик он нередко действует вхолостую, отчуждая план содержания от плана выражения, а в некоторых случаях – сокращая «изначальное опоздание» за счёт непосредственного (возможно, на уровне автоматизированной внутренней речи про себя) обращения с ментальным опытом – по крайней мере в отношении языкового мышления. Тем не менее, нерешённым остаётся вопрос об осознании пациентом при гипнозе собственных слов, которые он произносит, в том числе образуя в качестве новых слов (неологизмов), а после сеанса забывает, деактуализируя свой гипнотический опыт. Очевидно, что это пограничное ментальное состояние (как разновидность изменённого состояния сознания) сводит на нет принцип «изначального опоздания», проблематизируя последний в аргумент «философского зомби» [3, с. 195–214].

Продолжая ассоциации и аллюзии по поводу антиязыка (например, как ясновидения и бессловесной коммуникации у английского психолога Д.Г. Беннета), вновь воспользуемся книгой П. Слотердайка, который писал: «Философская физиогномика полагает, что существует второй, бессловесный язык. Он столь же древен, сколько само человеческое общение, больше того, его корни уходят к дочеловеческому и прэдацио-нальному, в сферу чутья и ориентации, присущих животным. Не только словесный язык может сказать нам нечто, вещи тоже что-то говорят тому, кто умеет пользоваться своей сенсорикой. Мир полон образов (*Gestalten*), полон мимики, полон лиц; отовсюду к нашим чувствам поступают намёки и подсказки от форм, цвета, обстановки. В этом физиогномическом поле все чувства тесно переплетаются, и тот, кто смог сохранить ненарушенными свои перцептивные компетенции, обладает действенным противоводом против оскудения чувств, которым мы расплачиваемся за цивилизованный прогресс. Наша культура, которая затопила нас морем знаков, воспитывает нас немощ-

ными и убогими в области физиогномического познания. Однако всегда существовало подводное течение нашей культурной жизни, в котором продолжала развиваться требующая находчивости, понятная само собой способность разбираться в языке образов – отчасти в искусстве, отчасти в разнообразных, отдельно существующих традициях познания, в которых под различными названиями: моралистика, учение о различении интеллектуальных темпераментов, психология или искусство распознавания способов выражения – практиковался этот иной взгляд на людей и вещи» [18, с. 229–230].

Антиязык можно определить как всеуниверсальный язык для именованья вещей без исключения, выступающий не столько посредником между разными языками, сколько провокатором для поиска универсального языка номинации. Критика лингвистического разума заключается в том, чтобы показать языковые издержки при обращении с вещами, именование которых приблизительно с точки зрения их вещественности. То, что не поддаётся номинации на естественном языке, не означает, будто вещь должна быть именована суррогатным образом, а свидетельствует о том, что, будучи непоименованной, вещь становится частным случаем забвения бытия. Если антиязыковая методология рассчитана на выявление в естественном языке лакун номинации, препятствующих языковой тотальности, то антиязыковая антропология претендует на то, чтобы до конца осуществить дар Бога по именованию вещей.

Проблему, аналогичную нашей, развивает российский философ И.А. Бескова в своей книге «Природа сновидений» (2005). Бескова предлагает трёхуровневую структуру человека, включающую сознание, подсознание и бессознательное, благодаря которой можно различить разные потоки информации, получаемые человеком извне как осознаваемые (сознание), так и неосознаваемые (подсознание) и, наконец, изнутри как неосознаваемые (бессознательное): «Тогда получается следующая иерархия: сознание – это то, что имеет своей областью определения человека как целое, подсознание – человека как совокупность подсистем и бессознательное – человека как отдельные системы, входящие в его организм» [5, с. 115]. Однако нам, прежде всего, очевиден антиязыковой аспект этой классификации, то есть возможность именованья (номинации) тех ин-

формационных потоков, которые оказываются воспринятыми нашим организмом вне нашего человеческого сознания, а потому, будучи как раз непоименованными, вызывают в нас – лингвоцентрированных существах – психологические сбои, связанные, в первую очередь, со смысловой актуализацией нашего опыта: «...неосознаваемая информация **обычно** не доступна субъекту, поскольку обычным (выделенным) для представителя современной культуры является режим функционирования на уровне целого. И так как между целым и двумя другими уровнями (по описанным выше причинам) существует барьер, граница, хранящееся там знание непосредственно не дано сознанию, то есть является неосознаваемым. Условно говоря, коды размещения информации разные. Целое, владеющее только собственным языком, без специальных усилий ничего не может сказать относительно информации, циркулирующей на других уровнях: эти языки непосредственно им не читаются, они организованы по другим принципам, элементарные единицы в них не те, что у него» [5, с. 115].

Также И.А. Бескова вводит понятие «реликтовое мировосприятие», практически недоступное современному человеку, но свойственное представителям и древних, и современных примитивных культур, которое характеризуется тем, что благодаря ему можно воспринимать информацию из разных источников, а также иметь ненарушенную связь между Эго и между внешним и внутренним миром. Если нашим предкам был доступен большой диапазон каналов приёма и отдачи информации, то мы привыкли делить бытие на внутренний и внешний мир. Поверхностной структурой для нас является пресловутое Я, которое Бескова считает не субстанциональным, а функциональным (и по сути – пустым). Внешний мир мы считаем враждебным для себя, поскольку не можем перерабатывать всю обволакивающую нас информацию. Мы живём отнюдь не в ноосфере (инфосфере или логосфере), а в окружении физических явлений, не выразимых в опыте. Аналогично обстоит дело с нашим организмом (анатомическим внутренним миром) в совокупности всех его подсистем. О происходящем внутри себя мы осведомлены не меньше. Многие процессы протекают безболезненно, а когда что-то ломается, правильный диагноз можно установить только при наличии сданных анализов, хотя в языке по-прежнему бытуют та-

кие выражения, как «всем телом почувствовать», «кожей ощутить опасность», «затылком (спиной) почувствовать чей-то пристальный взгляд», «нутром чуют» и т.п.

И.А. Бескова пишет: «Таким образом, представление в мысли, формой выражения которого является естественный язык и язык образов сознания, – лишь один из возможных, по сути, равноуровневых каналов, который стал доминантным просто в силу эволюционной и культурной истории человечества.

Учитывая всё вышесказанное, представляется возможным сделать следующий вывод: наименованием «бессознательное» мы не совсем верно передаём природу феномена, очень значимого для понимания внутреннего мира человека. **Оно верно по отношению к «мыслецентрированному» человеку, но не по существу. По существу же, то, что мы именуем бессознательным, то, что для канала мысли – бессознательное, складывается из аспектов репрезентации происходящего языками всех кодирующих систем в той своей части, которая не имеет адекватного эквивалента в языке мысли (в естественном языке и языке образов сознания), плюс то, что поступает по каналу, альтернативному по отношению к каналу мысли.**

Иными словами, если мы помещаем нашу самоидентификацию в канал мысли, то бессознательным для нас оказываются фрагменты из всех стандартно признаваемых каналов органов чувств, плюс всё из непризнаваемого канала непосредственного чувственно-телесного переживания. А не признаётся он именно потому, что не имеет – по природе своей – репрезентации в языке канала мысли. То есть здесь происходит путаница причины и следствия. Для нас этой информации не существует и этого канала не существует, потому что они не представимы в языке канала мысли. Иными словами, при функционировании на уровне «человек как целое» мы этого не отслеживаем и считаем, что соответствующих значений, соответствующей информации нет, поскольку мы её не замечаем, не видим, не выделяем.

На самом же деле всё не так» [5, с. 142].

Мыслецентризм *homo sapiens* обусловлен тем, что мысль – это всего лишь ещё одна система репрезентации поступившей информации, тогда как каналов восприятия намного больше. Например, интуиция, или шестое чувство (по данным российского нейрофизиолога С.В. Савельева, у

человека только 18 основных органов чувств; ср. также: [17]). Мы считаем систему мысли универсальным средством, хотя и сознаём ограниченность её возможностей, настаивая на том, что не всякий опыт выразим в языке. Несмотря на то, что мы принимаем её за интегральную, своего рода метауровневую по отношению ко всем прочим, возможно, она того же порядка, как и прочие репрезентативные системы, для выражения которых уже никак не обойтись без помощи антиязыка (ср. также: [20]).

Поскольку постулируемый нами естественный антиязык номинирует нечто, расширяющее границы естественного языка (тем самым бросая вызов бессознательному, а не закабалая его носителя), постольку ответственно предположить, что естественный антиязык является семиотическим символом свободы, открывающим такую сферу, как «семиэтика». Антиязыковая практика представляет собой семиэтическую миссию по наречению любой вещи – какой бы безымянной она ни была.

Согласно нашему пониманию, философия антиязыка именуется не только то, что нельзя поименовать на естественном языке, который будто бы несподручен для данной номинации, а то, что действительно невозможно выразить без потери смысла. Антиязыковая номинация – это номинация в отсутствие антиязыкового носителя, который может исказить воязыквление того или иного антислова. С другой стороны, антиязык представляет собой не столько совокупность классов антислов, благодаря которым подлежащее полному или частичному воязыквлению ещё не осуществлено, сколько такой *вездесущностный язык*, благодаря которому можно поименовать всё без исключений. Философия антиязыка укоренена в глубине самого языка, но не осознаётся его носителями («реальное самозабвение языка», по Г. Гадамеру), включая лингвистов, которые склонны подменить философию языка – **философией языкознания**, а лингвистику бытия – **лингвистической онтологией**.

Проспать или не проспать онтологический статус, или Фантазирую, следовательно, не существую

Однако ведь есть какой-то обманщик, весьма могущественный и хитрый, который употребляет всё своё искусство для того, чтобы меня всегда обманывать. Но несомненно, что я существую, если он меня обманывает; и пусть он меня обманывает,

сколько ему угодно, он всё-таки никогда не сможет сделать, чтобы я был ничем, пока я буду думать, что я нечто.

(Р. Декарт [8, с. 85])

Философема «Сплю, следовательно, существую» («Somnio/Dormio ergo sum») является фундаментальной для удостоверения нашего онтологического статуса. Поскольку бодрствование может быть всего лишь завесой несамостоятельного существования в яви, постольку корреляция сна и яви служит доказательством того, что мы не являемся игрушками в руках Злокозненного Демона, который не может заставить нас не только не существовать, но и не спать или не бодрствовать. Согласитесь, что сценарии таких кинофильмов, как «Тринадцатый этаж», «Матрица» [14] и «Люди в чёрном», становятся уязвимыми в своём онтологическом обосновании неаутентичного существования человечества. Спать может только живое существо, однако для онтологического доказательства этого недостаточно. Настоящим подрывом для данной аргументации является такое состояние сна, когда мы не помним своих сновидений. Даже если бы мы, подобно жителям «Матрицы», были всю свою жизнь подключены к программе под названием «Объективная реальность», нашим локусом свободы было бы время сна в отсутствие/и всякого сновидения (например, в первых стадиях медленного сна). При минимальном уровне активности сознания, которым характеризуется сон, мы доверены самим себе до тех пор, пока правило манипуляции нашим несобственным существованием содержит исключения (например, сбой в матричной программе или усталость Злокозненного Демона). Однако особый интерес представляют собой (о)сознанные сновидения (а также гипнотический сон, транс и т.п.), в которых человек осознаёт, что он спит, а иногда – пытается управлять сновидением. Осознанное сновидение – это парадоксальное преимущество сна в онтологическом доказательстве нашего существования. Только вдумайтесь, насколько изощрёнными должны быть козни Демона, чтобы внушить нам во сне осознание собственного сновидения (!), то есть, возможно, существование и несуществование (причём не обязательно неаутентичные). (Все наши дискурсивные ухищрения всего лишь элемент развёртывания более сложной программы манипуляции.) Растворение между сном и действительностью редуцирует онтологическое доказательство несамостоятельного

существования к уточнению формулировок как аргументов, так и контраргументов. Мы сами подаём пример манипулирования небытием, имея в виду отсутствие прерывностей между интенциональными актами сознания. Небытие существует (в смысле «бороды Платона») и не существует по-разному. Предикат несуществования равноправен картезианскому предикату существования, удостоверяющему компромиссное несобственное бытие мыслящего субъекта (Злокозненный Демон не может внушить мыслящим субъектам их несобственное существование без их эмпирической наличности, что, впрочем, не отменяет контраргумента о внушении Злокозненным Демоном статуса несобственного существования аутентично пребывающим в мышлении субъектам, размывая тем самым накал декартовского доказательства о примате существования над его неаутентичностью). Таким образом, онтологический статус *собственного несуществования* куда обоснованней, нежели статус несобственного несуществования, который можно адресовать самому Злокозненному Демону, правда, для этого ему понадобится более изощрённая методология. Дело в том, что несобственное несуществование вероятно на грани манипулятивного различения между собственным и несобственным существованиями, тогда как нам нужно отказаться от односторонней логики внушения аутентичности/неаутентичности, чтобы сосредоточиться на небытийственном статусе. В каком смысле несуществование может быть несобственным? Не тавтологично ли несобственное несуществование несобственному существованию?

Статус несобственного существования – это предел декартовской аргументации мыслящего субъекта, выраженной в философе «Мыслю, следовательно, существую». С другой стороны, сознание мыслящего субъекта может претендовать и на философе «Мыслю, следовательно, не существую», подразумевая под несуществованием отсутствие прерывностей между интенциями сознания. Отсюда – шаткость декартовского рубежа непротиворечивости для онтологического доказательства самого Злокозненного Демона, а не тех мыслящих игрушек, которые лишь собственным несуществованием могут подтвердить его аутентичность. Как постулировать Злокозненного Демона в качестве такового? Каков диапазон статусных манипуляций? Почему не может быть двух и более Злокозненных Демонов, которые бы соревновались в степени виртуализации?..

Отчуждение всех против всех

Ах, эти философские совы! Ах, эти философские сони! Ах, эти философы, философствующие во сне без сновидения! Прежде вас сова познания вылетала в ночи, но вы проспали её полет, – разве можно научиться летать, спя в удобной постели? Пробудитесь от этого сновидения величиною в историю философии! Скиньте с себя заспанное одеяло, отбросьте подушку, набитую свиным пухом, – очистите своё сознание от философского дежавю! Я жду вас у утреннего колодца, чтобы умыться им до дна! [11, с. 13].

Мы должны соответствовать постоянному уровню отчуждения всех против всех. Необходимо всеми силами поддерживать статус несобственного существования, подыгрывая Злокозненному Демону в его виртуальных вариациях. Чем больше доказательств в пользу нашего несобственного существования мы приведём, тем безнаказанней будет чувствовать себя Злокозненный Демон в проблематизации собственного онтологического статуса. Мы не можем позволить себе нищету логики восполнительности, при которой доведение несобственного статуса нашего существования будет являться подтверждением несобственного существования Злокозненного Демона, допустившего изъян в нашей свободе самопровержения (автодеаутентизации). Апофатическая методология исчерпала себя ещё во времена Мейстера Экхарта, поэтому нам понадобится методологический нигилизм, основывающийся на статусности аутентичности/неаутентичности небытия. Наше собственное несуществование в противовес несобственному несуществованию Злокозненного Демона нуждается в укоренении онтологического статуса последнего, восстанавливающего в перспективе как наше несобственное несуществование, так и собственное существование самого Злокозненного Демона. Виртуальный статус нашего присутствия, запрограммированный Злокозненным Демоном, может быть усугублён до полного отождествления нас с недоказуемым онтологическим статусом Злокозненного Демона, формулировка которого несоизмерима в перформативный парадокс. Мы обязаны выказывать Злокозненному Демону наше несобственное существование, укрепляя в нём комплекс неонтологизируемости и тем самым испытывая его на степень конкурирующей виртуализации. В отношении Злокоз-

ненного Демона должна быть применена трансценденция, которая бы тавтологизировала его с Богом, придав злу субстанциальный характер. Виртуальная искущённость Злокозненного Демона является условием подтверждения его онтологического статуса, но не исчерпывает последний. Симулируя себя симулятивней самих себя, мы совершенствуем виртуальное воображение Злокозненного Демона, представляя собой автосимуляции. Наше несобственное существование обеспечивается не иллюзорными манипуляциями Злокозненного Демона, а виртуал-гомеостазом, постулирующим свободу симуляции. Несобственное несуществование, проявляющееся в отсутствии прерывностей между интенциональными актами сознания, ставит вопрос о собственном несуществовании как о пределе автосимуляции и виртуал-трансгрессии. Собственное несуществование указывает на то, что неподвластно виртуализации Злокозненного Демона. Например, Злокозненный Демон не может создать субъектов неманипулируемого существования, поскольку они не смогут гарантировать несобственное существование. Собственное несуществование как аналогия с отсутствием прерывностей между интенциями сознания возможно лишь в том случае, если доказана неотвратимость несобственного существования, а не идеальной игрушки в кукловодящих руках Злокозненного Демона. Собственное существование в виде автосимуляции, пущенной на самотёк Злокозненным Демоном, менее онтологично, чем императивность несобственного (не)существования. Примерка собственного несуществования начинается с удостоверения неотвратимости нашего несобственного существования, дополняемого онтологическим статусом собственного существования Злокозненного Демона, а не его потенциальных конкурентов. Собственное несуществование локализовано не столько в отсутствии прерывностей между интенциями сознания при собственном существовании (без соучастия Злокозненного Демона) или в отсутствии прерывностей между интенциями при неотвратимости несобственного существования, сколько до всякого (не)собственного существования, не подвластного методологической уловке в образе Злокозненного Демона; при таком патологическом статусе, когда потребность в Злокозненном Демоне оказывается слишком экономной для нужд последующей проблематизации подлинного несуществования, которое трансцендентно не

в меньшей степени, чем сам Злокозненный Демон. Патологический статус обозначает то, что не существует помимо (не)существования.

Заснуть за чтением сонника

Кто не умеет объяснить себе возникновение сновидений, тот напрасно будет стараться понять различного рода фобии, навязчивые мысли, бредовые идеи с той целью, чтобы оказать на них терапевтическое воздействие.

(З. Фрейд [19, с. 7])

В заключение перечислим несколько толкований сновидения, в котором главным действующим персонажем является сам сон.

1. **«Справочник сновидений» Д. Лоффа:** «Часто случается, что мы видим сон о том, что спим. А ведь это, по сути, и есть реальное состояние организма, когда нам что-то снится. Однако во сне спать и отдыхать не всегда означает одно и то же. Состояние сна – одно из наиболее уязвимых состояний организма. В это время мы безоружны перед тревогами: способность к самозащите ограничена, не говоря уже о неспособности позаботиться о других. Сны такого рода, как правило, вызывают либо чувство облегчения и покоя, либо ощущение насилия. Важными элементами интерпретации подобного сна являются ответы на вопросы о том, как вы просыпаетесь и кто вас будит» [12].

2. **«Эзотерический сонник» Е.И. Аноповой:** «Если спящий осознаёт, что он спит и видит сон, то надо постараться закрепить это состояние и научиться «заказывать» сны. То есть перед засыпанием надо сказать себе, на какой вопрос вы хотели бы получить ответ в понятных вам образах. Сон во сне означает вашу готовность к работе со сновидениями, к практическому использованию информации, полученной таким образом» [4].

3. **Современный сонник:** «Видеть себя спящим и видящим сон означает, что в действительности вы ведёте двойную игру по отношению к хорошему человеку и сомневаетесь в правильности своих поступков. Если вам кто-нибудь рассказывает свой сон, то у ваших родственников появятся проблемы и за помощью они обратятся именно к вам. Видеть кошмар – к благоприятному разрешению трудной ситуации. Яркий, радостный сон, увиденный во сне, обещает разочарование наяву» [2].

Список литературы:

1. Афоризмы. (URL: <http://www.aphorism.ru/529.shtml>).
2. Если приснился сон. (URL: <http://www.snovid.ru/word.asp?s=3&id=4306>).
3. Алексеев А.Ю. Понятие «зомби» и проблема сознания // Проблемы сознания в философии и науке» / Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М., 2009. 472 с. С. 195–214.
4. Анопова Е.И. Эзотерический сонник. М., 1999. 230 с. (URL: <http://www.snovid.ru/word.asp?s=5&id=4306>).
5. Бескова И.А. Природа сновидений (эпистемологический анализ). М., 2005. 240 с.
6. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. 236 с.
7. Гурко Е.Н. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум), Как избежать разговора: денегации. Мн., 2001. 320 с.
8. Декарт Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии. Луцк, 1998. 302 с.
9. Декомб В. Современная французская философия: сборник / Пер. с фр. М.М. Фёдоровой. М., 2000. 344 с.
10. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина, под ред. В.Ю. Кузнецова. М., 2000. 496 с.
11. Кто сегодня делает философию в России. Том I / Автор-составитель А.С. Нилогов. М., 2007. 576 с.
12. Лофф Д. Справочник сновидений. Изд. 2-е, перераб. Харьков, Белгород, 2007. 320 с. (URL: <http://www.snovid.ru/word.asp?s=7&id=4306/>).
13. Нилогов А.С. Антиязык как ясновидение в бессловесной коммуникации Д.Г. Беннета // Психология и психотехника. 2015. № 1. С. 92–103. (DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13737. URL: http://www.nbpublish.com/go_to_article.php?id=32340).
14. Нилогов А.С. Постфилософия «Матрицы», или Критика искусственного разума // Молодёжь и наука: сборник материалов X Юбилейной Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных с международным участием, посвященной 80-летию образования Красноярского края / Отв. ред. О.А. Краев. Красноярск: СФУ, 2014 (URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s09/s09_009.pdf).
15. Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб., 2013. 216 с.
16. Оруэлл Д. Новые слова // The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell. N.Y., 1968. (URL: <http://www.grammar.ru/BIB/?id=3.108>).
17. Сколько чувств у человека? // Наука и жизнь. 2006. № 2 (URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3953/>).
18. Слотердайк П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А.В. Перцева; испр. изд. Екатеринбург, М., 2009. 800 с.
19. Фрейд З. Толкование сновидений / Пер. с нем. Мн., 2003. 576 с.
20. Эпштейн М.Н. Русский язык: система и свобода // Новый журнал. 2008. № 250. (URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html>)
21. Трунов Д.Г. Терапевтическое толкование сновидения: от символа к метафоре // Психология и психотехника. 2010. № 8. С. 105–110.
22. Королёв С.А. Сновидения как эманация «общественного подсознания». Статья первая. Постановка проблемы // Психолог. 2013. № 7. С. 135–168. (DOI: 10.7256/2409-8701.2013.7.10402. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_10402.html).
23. Сиюхова А.М. Ночь как предмет культурологического анализа // Культура и искусство. 2011. № 4. С. 36–42.
24. Гайнутдинов Т.Р. Место писания тела в структуре бытия // Философия и культура. 2014. № 8. С. 1115–1120. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12443).
25. Нилогов А.С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. 2013. № 3. С. 266–274. (DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645).

References (transliteration):

1. Aforizmy. (URL: <http://www.aphorism.ru/529.shtml>).
2. Esli prislilsya son. (URL: <http://www.snovid.ru/word.asp?s=3&id=4306>).
3. Alekseev A.Yu. Ponyatie «zombi» i problema soznaniya // Problemy soznaniya v filosofii i nauke» / Pod red. prof. D.I. Dubrovskogo. M., 2009. 472 s. S. 195–214.
4. Anopova E.I. Ezotericheskii sonnik. M., 1999. 230 s. (URL: <http://www.snovid.ru/word.asp?s=5&id=4306>).
5. Beskova I.A. Priroda snovidenii (epistemologicheskii analiz). M., 2005. 240 s.
6. Girenok F.I. Udovol'stvie myslit' inache. M., 2008. 236 s.
7. Gurko E.N. Dekonstruktziya: teksty i interpretatsiya. Derrida Zh. Ostav' eto imya (Postskriptum), Kak izbezhat' razgovora: denegatsii. Mn., 2001. 320 s.
8. Dekart R. Rassuzhdenie o metode. Metafizicheskie razmyshleniya. Nachala filosofii. Lutsk, 1998. 302 s.
9. Dekomb V. Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya: sbornik / Per. s fr. M.M. Fedorovi. M., 2000. 344 s.
10. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie / Per. s fr. D.Yu. Kralechkina, pod red. V.Yu. Kuznetsova. M., 2000. 496 s.
11. Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. Tom I / Avtor-sostavitel' A.S. Nilogov. M., 2007. 576 s.
12. Loff D. Spravochnik snovidenii. Izd. 2-e, pererab. Khar'kov, Belgorod, 2007. 320 s. (URL: <http://www.snovid.ru/word.asp?s=7&id=4306/>).

13. Nilogov A.S. Antiyazyk kak yasnovidenie v besslovesnoi kommunikatsii D.G. Benneta // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 1. S. 92–103. (DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13737. URL: http://www.nbpublish.com/go_to_article.php?id=32340).
14. Nilogov A.S. Postfilosofiya «Matritsy», ili Kritika iskusstvennogo razuma // Molodezh' i nauka: sbornik materialov X Yubileinoi Vserossiiskoi nauchno-tehnicheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 80-letiyu obrazovaniya Krasnoyarskogo kraya / Otv. red. O.A. Kraev. Krasnoyarsk: SFU, 2014. (URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s09/s09_009.pdf).
15. Nilogov A.S. Filosofiya antiyazyka. SPb., 2013. 216 s.
16. Oruell D. Novye slova // The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell. N.Y., 1968. (URL: <http://www.grammar.ru/BIB/?id=3.108>).
17. Skol'ko chuvstv u cheloveka? // Nauka i zhizn'. 2006. № 2. (URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3953/>).
18. Sloterdijk P. Kritika tsinicheskogo razuma / Per. s nem. A.V. Pertseva; ispr. izd. Ekaterinburg, M., 2009. 800 s.
19. Freid Z. Tolkovanie snovidenii / Per. s nem. Mn., 2003. 576 s.
20. Epshtein M.N. Russkii yazyk: sistema i svoboda // Novyi zhurnal. 2008. № 250. (URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html>)
21. Trunov D.G. Terapevticheskoe tolkovanie snovideniya: ot simvola k metafore // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 8. S. 105-110.
22. Korolev S.A. Snovideniya kak emanatsiya «obshchestvennogo podsoznaniya». Stat'ya pervaya. Postanovka problemy // Psikholog. 2013. № 7. S. 135-168. (DOI: 10.7256/2409-8701.2013.7.10402. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_10402.html).
23. Siyukhova A.M. Noch' kak predmet kul'turologicheskogo analiza // Kul'tura i iskusstvo. 2011. № 4. S. 36-42.
24. Gainutdinov T.R. Mesto pisaniya tela v strukture bytiya // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 8. S. 1115-1120. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12443).
25. Nilogov A.S. Antiyazykovaya nominatsiya bol'shikh chisel (V nachale bylo Chislo, i Chislo bylo u Boga, i Chislo bylo Bog) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2013. № 3. S. 266-274. (DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645).